

ВИТАЛИЙ ЛЕВЧЕНКО

**МЫ НИКОГДА
НЕ УВИДИМСЯ,
ДЖОДИ!**

Виталий Левченко

Мы никогда не увидимся, Джоди!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878173

SelfPub; 2023

Аннотация

Иронический, с элементами фарса, рассказ «Мы никогда не увидимся, Джоди!» повествует о молодом человеке, скромном школьном учителе, из деревни Капустино. Однажды он ощутил свет далекой звезды, но не с небосклона, а с берегов кинематографической Америки. Герой почувствовал, что, прикоснувшись к этому свету, он обретет подлинную свободу. И у него рождается дьявольский по своей хитрости план, как организовать встречу с любимой кинозвездой.

Виталий Левченко

Мы никогда не увидимся, Джоди!

Солнце висело над самолетом. Прикрывая ладонью макушку от нестерпимого жара, я повесил сумку на плечо, свободной рукой осторожно потянул ручку овальной двери и окунулся в волны храпа. Залез внутрь, постоял немного с закрытыми глазами, привыкая к сумраку, достал из-за пояса деревянную колотушку неизвестного предназначения, бесстыдно украденную у соседки бабы Мани, пока она возилась в огороде с капустой, и шагнул в кабину.

Кабина пилота! Сколько волнительных мыслей рождается при этих словах в голове юного путешественника, который с приключенческой книжкой в каникулы задирает ноги на пружинной кровати в саду под яблоней! В этот момент я почти завидовал ему, еще удовлетворенному скитаниями по свету лишь в воображении, еще не тронутому в своей девственной наивности великой силой свободы, зовущей неизвестно куда.

Впрочем, мне, на беду или счастье, было хорошо известно, куда меня влечет. Признаюсь, я сильно волновался, несмотря на то, что деревня Капустино не самое стратегически важное место на планете. И находился я не в шикарном

«Боинге», а в салоне обычного кукурузника.

Я подошел к креслу, вытянул колотушку и ткнул ею в сидящего. Дурной дядя Петя, пилот из районного центра, почувствовав прикосновение к носу чего-то непонятного, протестуяще хрюкнул и открыл глаза.

– Сидеть смирно! Это захват! Если окажете сопротивление – я применю оружие! – закричал я. Серьезная обстановка не позволяла назвать колотушкой ту штуку, что болталась перед носом пилота.

– А с этим я управляюсь лучше, чем Джо Ди Маджио с бейсбольной битой, вам понятно? – продолжил я, и, чтобы нагнать еще больше страха, добавил, – лох!

Дядя Петя вытаращил красные глаза и снова хрюкнул, на этот раз кротко.

– Э... эээ... какая димаджа, ты чего? Ты кто такой? – мелко задрожав бледным худым телом, он вцепился в кресло.

Пилота дядю Петю до этого я видел всего два раза. Первый – когда пасмурным теплым днем поздней весны шел по районному центру к магазину: в дупель пьяного дядю Петю рвало в красивый колодец, что раскинулся большим деревянным срубом в его собственном дворе. Второй раз – через тридцать минут, возвращаясь из магазина: дядя Петя, прилежно соблюдая все правила древнегреческой драмы – единства места, действия и времени, все так же блевал в колодец.

Я еще немного постоял, наблюдая эту сцену и промокая

платочком с лица капли некстати начавшегося дождя. Я пытался понять: комедия это или трагедия? Однако, шагая по раскисающей уже дороге, я пришел к выводу, что не иначе как глупостью это не назовешь. Потому что завтра дядя Петя, томимый отнюдь не духовной жаждой, полезет в колодезь. Вот вам и поговорка.

Дурной дядя Петя, пилот из районного центра, уже целый час пытается убедить меня сдаться властям. А я столько же времени стараюсь уточнить его психологический портрет, дабы в долгом полете не возникли осложнения с противником. А впрочем, какой он мне противник – дурной дядя Петя, пилот из районного центра! Приступы мелкого дрожания и всплывающая на поверхность глаз муть вначале были приняты мной за пробуждающееся чувство патриотизма. Однако подозрительная периодичность их появлений, никак не синхронизированная с моими угрозами, всколыхнула в моей памяти тот пасмурный весенний день. Вслед за этим воспоминанием пришло другое.

Окончив педагогический институт, я приехал в районный центр и в течение двух лет отдавался школьной системе. Наша с ней связь начиналась рано утром и заключалась в том, что ежедневно я давал три урока русского языка в шестых классах и три – литературы у старшеклассников.

Какие это были странные времена! Вы заходите в школу

в конце девяностых, и вас охватывает ужас, потому что за десять лет по-настоящему здесь ничего не изменилось. Все те же раздутые до непомерной величины дамы с тройными подбородками, все тот же строгий директор – монолитный демон во главе стола, все так же бежит в узкие двери познания орущая толпа маленьких варваров. Мелькающие яркими пятнами дешевые китайские рюкзачки за их плечами своей инородностью сводят с ума.

– Пушкин – это гений русской литературы, дети. – В центре маленького класса колышется около сотни килограммов женской плоти. – Всякий раз, читая стихотворение «Я вас любил: любовь еще, быть может...», я не могу сдержать волнения – настолько проникновенны эти чудные строки. – Рукой, созданной самой природой для сельскохозяйственных орудий, дама пытается изобразить в воздухе должное быть изящным жестом, и даже настоящая слеза наворачивается на один глаз. – Непременно, непременно прочтите это замечательное стихотворение, и вы почувствуете всю силу и талант русского гения.

Не знаю, как Александр Сергеевич, но по части воздействия на утонченные чувства необъятной романтической особы молодой физрук Сергей Александрович был гораздо гениальнее.

От ежедневного кошмара спасал видеомэгафон.

За два года я посмотрел все, что было в видеопрокатах

районного центра. Тогда же я впервые увидел ее.

Честно говоря, сначала она не произвела на меня никакого впечатления. Вернее, скажу так: я отложил кассету «Молчание ягнят» в сторону и принялся за другую картину, уже не помню, какую. Но что-то заставило меня вернуться к тому фильму. Я пересмотрел его еще два раза.

На следующий день, к счастью, свободный от школы, я обошел все немногие видеомагазины. В результате такого обхода в моей сумке лежали: «Контакт», «Таксист», «Мэвэ-рик» и «Соммерсби».

Всю ночь я просидел перед экраном, а утром уволился из школы.

Я испытываю непреодолимое отвращение к тем людям, что создают себе кумиров. Мои чувства и мысли были абсолютно лишены той пошлости, которая у потерявших разум фанатиков называется любовью. Думаю, в Джоди я сумел разглядеть символ своей свободы. Не спрашивайте, как такое могло произойти. Я и сам не знаю ответа. Я боялся наделить ее качествами, ей, вероятно, совсем не присущими. Повторяю, больше всего на свете я боялся сделать из нее кумира. Это был парадокс: увидев в ней символический образ своего освобождения, я продолжал смотреть на нее трезвым взглядом.

Возможно, нечто подобное испытал и Джон Хинкли, посмотрев «Таксиста». Я не исключаю, что его чувства были гораздо сложнее обычного фанатизма, когда он пытался из-

за мыслью о Джоди Фостер убить Рональда Рейгана. Однако элементарная ревность заставляет меня думать, что мой феномен все-таки исключителен.

Я не намеревался никого убивать. Единственное и непреодолимое желание, становившееся с каждым днем все сильнее, заключалось в том, что мне захотелось встретиться с Джоди. Я понимал абсурдность и трудность задуманного. Даже преодолев половину земного шара, я практически не приблизился бы к цели, потому что по-прежнему находился бы от Джоди на расстоянии тех миллионов негеографических миль, которые отделяют жителей Олимпа от простых смертных.

Я решил угнать самолет. Мой дьявольский план был очень прост. Похищение лайнера заранее обречено на провал, в этом я не сомневался. К тому же мне чуждо насилие, и за настоящее оружие я ни за что не возьмусь. Совсем другое – захватить самолет маленький, в тихом месте, до которого никому на свете нет дела. Одного заложника – пилота – мне вполне бы хватило. Прилетев в Лос-Анджелес, я выдвинул бы единственное требование: пригласить Джоди Фостер. Я говорил по-английски довольно хорошо и рассчитывал убедить американцев в безобидности моих намерений. Я очень надеялся, что она согласится войти в самолет. Я намеревался рассказать ей о тех мыслях и чувствах, которые она сумела поселить во мне. Мне нужно было взять ее за руку: в этот

момент я был бы абсолютно свободен, как может быть свободным только человек, всходящий на плаху. Те несколько минут, что отделяют его от смерти, делают приговоренного равным богу.

И вот с колотушкой в руке я нахожусь в кабине кукурузника.

Солнце клонится к правому борту, но в салоне еще жарко. Вокруг самолета, взявшись за фуражку, бродит Иван Иванович, представитель деревенской власти, милиционер во втором поколении. Судя по его напряженному виду, он пытается вычислить мои действия, продумать всевозможные варианты. Периодически он подходит к кабине и, соблюдая меры безопасности, то есть держа руки на виду, заглядывает в иллюминатор.

– Ему за удобрениями давно пора лететь, а ты держишь его! Террорист! Какая, к дьяволу, Америка! Ты что, сдурел?! Он же Москву на карте не найдет!

Услышав в свой адрес это безобразное замечание, дядя Петя оглушительно захрипел в приоткрытый иллюминатор:

– А не пошел бы ты на тын еловый, Иваныч! Это я-то не знаю, где Америка?!

Ситуация выходила из-под контроля, и мне пришлось громко сказать:

– Приказываю замолчать! Вы, там, отойдите от самолета, не то я до смерти заколочу пилота вот этим! – Я помахал

перед сползшим с кресла дурным дядей Петей колотушкой так, чтобы Ивану Ивановичу было хорошо видно.

Милиционер поспешно отбежал и, сняв фуражку, принялся судорожно ею обмахиваться. Мне хотелось думать, что делает это он по причине безудержного страха, нежели от жары.

– Послушай, – опять начал он, – ты хоть подумал своей башкой, как вы туда долетите?! Вам же придется переть через всю Атлантику, вы же утопните! Ты что, думаешь, горючего в этом гадюшнике на колесах хватит перелететь океан?!

Представителя местной власти, Ивана Ивановича, милиционера во втором поколении, подвел стереотип мышления.

Погрозив для острастки колотушкой дяде Пете, я наклонился к стеклу и по-злодейски рассмеялся:

– А мы полетим на восток, через Чукотку!

Милиционер Иван Иванович насторожился.

– Это как – через Чукотку?

– Географию нужно было учить в школе, милейший! – убийственно изрек я. – Известно ли вам, о бессонный блюститель земного порядка, что через Берингов пролив до Аляски не многим более ста километров? И Соединенные Штаты Америки находятся гораздо ближе, чем вы можете вообразить!

Представитель местной власти, Иван Иванович, милиционер во втором поколении, разинул рот. Вероятно, эта новость поразила его до основания. Он опустился на траву.

– Это как же, сто километров... это выходит, они... мы... совсем рядом. Этого не может быть! Я не согласен! – он встал на четвереньки, нахлобучил фуражку, поднялся и, пошатываясь, поплелся прочь.

Исчезающая на нетвердых ногах последняя надежда придала дурному дяде Пете каплю храбрости. Он прильнул к стеклу и что есть мочи завопил:

– Не оставляй меня, Иваныч!

Однако представитель местной власти только махнул рукой, а может, это была лишь иллюзия летнего марева. Я не ожидал, что услышанное окажет на милиционера такое мощное воздействие. «Воистину: знание не только сила, но и реальное оружие» – подумал я.

Слегка ткнув колотушкой в лоб дурного дядю Петю, я заставил его морально сломиться, и он затих, не смея скосить взгляд в мою сторону. Однако, взглянув на него внимательнее, я почувствовал беспокойство. Сначала я не мог определить источник сомнения, и только когда дядя Петя издал протяжный резкий звук и в воздухе отчетливо запахло перегаром, я понял, что меня тревожит.

По моим расчетам, гарантией мной задуманного выступал дурной дядя Петя, пилот из районного центра. Допустим, мы, периодически садясь на дозаправку, долетим до места. Прикрываясь дядей Петей, как щитом, я выдвину свои требования.

Вопрос в том, насколько американцы гуманны. А вдруг

запас их гуманности не так велик, чтобы спасти дурного дядю Петю, пилота из районного центра? С другой стороны, говорят, американцы так милосердны, что будут бороться за жизнь даже одного человека. Однако на рядового Райна дурной дядя Петя не тянул даже при очень большом человеколюбии американцев. К тому же иностранный гражданин. Значит, оставалась известная доля риска. Но я был готов к этому.

Я вытащил из сумки большую карту мира, разложил ее на полу салона, включил освещение и еще раз проверил заранее подготовленный маршрут. Мой пилот был деморализован, путь – свободен. Пришло время действовать.

Я закрыл глаза и на миг перенесся во времени и пространстве туда, где ждала меня она. Предо мной была Джоди. Нежно сжимая руками ее ладонь, я говорил с ней, символом моей свободы. И она понимала меня. Изученные до миллиметра жесты, взгляд, малейшие изменения которого я мог пересказать наизусть, и невысокий, мучительно родной голос, каким могла обладать только она...

Хриплый рев мгновенно разрушил мою реальность. Я открыл глаза и увидел отчаянно машущего кому-то рукой дурного дядю Петю. Быстро шагнув в кабину, я наклонился к стеклу и заметил несущийся к самолету по короткой траве поля желто-синий мотоцикл. На нем восседал, высоко подняв руку с каким-то предметом, представитель местной власти, Иван Иванович, милиционер во втором поколении.

Я сунул колотушку в лоб дяде Пете, но, к моему ужасу, это не подействовало. Морально сломленный дурной дядя Петя, пилот из районного центра, обрел вторую жизнь.

– Чё, блин, видал? Моя милиция меня стережет! – он сипло захохотал, косясь, однако, на оружие в моей руке.

Я бросился в салон, вернулся, и, положив колотушку на голову дяде Пете, все же заставил его вжаться в кресло.

– Сиди и не дергайся. – Я надеялся, что мой голос достаточно страшен. – В случае провала заколочу до смерти сначала тебя, потом себя. Ты понял?

Дурной дядя Петя был снова деморализован.

Я вернулся в салон, приоткрыл дверь и принялся осторожно следить за приближающимся мотоциклом. Радость на лице милиционера беспокоила меня. Описав вокруг самолета широкую дугу, Иван Иванович остановился. Прибор оказался переносным радиоприемником. Сойдя с мотоцикла, представитель местной власти смело шагнул к самолету, неся в вытянутых руках радио, словно святой крест. Он встал у крыла, посмотрел на часы, потом на меня. Под его торжествующим взглядом я отпрянул в салон и услышал:

– Все, прилетели! Сдавайся, террорист!

Я подался наружу, держа на всякий случай колотушку перед собой.

– Отойдите немедленно от самолета, – громко сказал я, – и не делайте глупостей, мы взлетаем!

Милиционер Иван Иванович, не реагируя на мои слова,

поставил радио на крыло, снова посмотрел на часы и вытянул из приемника тусклую антенну.

– Слушай повторную сводку новостей! – сказал он.

Звук был чистый, без помех.

«А теперь еще раз коротко о главных событиях дня. «Конкорд», захваченный сегодня утром в Париже, в аэропорту Орли, неизвестным, в настоящее время пересекает Атлантический океан на пути в Лос-Анджелес. Террорист выдвинул требования, вот его дословный текст, сказанный по-арабски: «Я не причиню пассажирам никакого вреда, если мои условия будут соблюдены. Я хочу встретиться с американской актрисой Джоди Фостер, я большой поклонник ее таланта и хочу ей сказать об этом лично. Пожалуйста, выполните мое требование, и тогда никто не пострадает». В данный момент власти Лос-Анджелеса связались со знаменитой актрисой для рассмотрения этого варианта. Подробности в следующем выпуске новостей».

Больше я ничего не слышал. Новость оглушила меня. Все рухнуло. Представив скорость «Конкорда», я понял, что безнадежно опоздал. Никогда не прикоснуться мне к руке Джоди, никогда не увидеть ее лицо, никогда она не скажет мне ни одного слова. Моя мечта была уничтожена неизвестным бандитом. Где-то там, за облаками Атлантики, посреди огромного самолета, с оружием в руках, под испуганными взглядами пассажиров он нагло смеялся надо мной. Он посмел разрушить самое дорогое для меня, и пред торжеством пош-

лости и зла я был бессилён.

Выронив колотушку, я потянул дверь и шагнул в воздух. Руки Ивана Ивановича мягко приняли меня в свои объятия. Уткнувшись в нагретые летним солнцем мелкие звезды его погона, я тихо заплакал.